

Взаимосвязь показателей состояния волевой регуляции и этнической идентичности

В.Н. Шляпников*,

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия
shlyapnikov.vladimir@gmail.com

В работе с позиции культурно-исторического подхода рассматриваются этнокультурные факторы волевой регуляции личности. Выдвигается гипотеза о взаимосвязи особенностей волевой регуляции и национального самосознания личности. Цель работы — изучение взаимосвязи этнической идентичности и особенностей состояния волевой регуляции у представителей различных этнических групп (русских, коми, тувинцев, кабардинцев, марийцев, корейцев). Всего в исследовании приняли участие 600 человек в возрасте от 18 до 30 лет (выборки были сбалансированы по полу). Для диагностики состояния волевой регуляции респондентов использовались: «Шкала контроля за действием» Ю. Куля; «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении»; методика самооценки волевых качеств личности; тест смысловых ориентаций. Для диагностики особенностей этнической идентичности использовалась методика «Типы этнической идентичности» (С.В. Рыжова, Г.У. Солдатова). Показано наличие значимых положительных связей между выраженностью волевого самоконтроля и общим баллом волевой самооценки и положительной этничностью в группах, где национальная принадлежность занимает важное место в структуре самосознания субъекта (тувинцы, корейцы, кабардинцы).

Ключевые слова: воля, волевая регуляция, самоконтроль, саморегуляция, волевые качества, кросскультурный подход, этнос, этническая идентичность, этничность.

Relationship between Volitional Regulation and Ethnic Identity

V.N. Shlyapnikov,

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
shlyapnikov.vladimir@gmail.com

The paper analyses the ethnocultural factors of volitional regulation from the cultural-historical perspective. A hypothesis is put forward about the relationship between the specifics of volitional regulation and national self-consciousness of the individual. The aim of the work is to study the relationship between ethnic identity and features of volitional regulation among representatives of various ethnic groups (Russians, Komis, Tuvans, Kabardians, Mari, Koreans). A total of 600 people aged 18 to 30 years took part in the study (the samples were gender balanced). To evaluate the individual characteristics of volitional regulation in the respondents, the following techniques were used: the Action Control Scale by J. Kuhl; the "Questionnaire for revealing the expression of self-control in the emotional sphere, activity

Для цитаты:

Шляпников В.Н. Взаимосвязь показателей состояния волевой регуляции и этнической идентичности // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 3. С. 83–90. doi: 10.17759/chp.2019150309

For citation:

Shlyapnikov V.N. Relationship between Volitional Regulation and Ethnic Identity. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 3, pp. 83–90. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150309

* Шляпников Владимир Николаевич, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности и дифференциальной психологии НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия. E-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com
Shlyapnikov Vladimir Nikolayevich, PhD in Psychology, Head of the Department of Personality and Individual Differences, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia. E-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

and behavior"; the technique for self-assessment of volitional qualities; the Purpose in Life Test. The features of ethnic identity were evaluated using the "Types of Ethnic Identity" technique (by S.V. Ryzhova, G.U. Soldatova). The study revealed significant positive correlations between the intensity of volitional self-control and the overall score of volitional self-esteem and positive ethnicity in groups where nationality occupies an important place in the structure of the subject's self-consciousness (Tuvans, Koreans, Kabardians).

Keywords: volition, will, volitional regulation, self-control, self-regulation, volitional qualities, cross-cultural approach, ethnos, ethnicity, ethnic identity.

Последние десятилетия наблюдается устойчивый интерес к проблеме воли как в отечественной, так и зарубежной психологии, что обусловлено значительным вкладом волевой регуляции в эффективность различных видов деятельности [4]. В зарубежной психологии под волей понимается самостоятельный психический метапроцесс, обеспечивающий управление внутренними ресурсами субъекта в процессе реализации намерения в действии. В соответствии с этими представлениями наибольшее внимание уделяется исследованиям психофизиологических и индивидуально-психологических механизмов волевой регуляции [15; 18; 19; 20; 21].

Иной подход к исследованию воли сложился в отечественной психологии. В частности, в рамках культурно-исторической и деятельностно-смысловой парадигмы воля рассматривается в контексте проблемы овладения человеком своим поведением и психическими процессами [1; 3; 9]. В связи с этим В.А. Иванников предлагает рассматривать волю как одну из «... форм (способов) произвольной регуляции, которая состоит в овладении человеком собственным поведением и психическими процессами для решения задач, которые личность принимает как свои собственные в соответствии со своими ценностно-смысловыми установками» [5, с. 113].

Воля как высшая психическая функция имеет социальное происхождение и определяется характером отношений, связывающих человека с окружающим миром. В частности, воля может быть связана с особенностями национальной культуры, предъявляющей определенные требования к волевой регуляции субъекта в соответствии со спецификой традиционного образа жизни и ценностей, а также предлагающей человеку набор этнокультурных средств и устойчивых способов овладения собственным поведением и психическими процессами. В связи с этим важным направлением изучения воли становятся кросскультурные исследования, позволяющие установить связь между спецификой национальной культуры, с одной стороны, и особенностями состояния волевой регуляции представителей этноса — с другой.

Результаты исследований подтверждают предположение о связи национальной культуры и воли и показывают наличие значимых различий в показателях состояния волевой регуляции у представителей различных этнических групп. Наибольшие показатели наблюдаются в группах тувинцев и кабардинцев, а наименьшие — в группах русских и коми [16; 17]. Вместе с этим вопрос о природе этих закономерностей и психологических механизмах, лежащих в их

основе, остается открытым. Анализ полученных результатов позволяет высказать предположение о том, что различия между группами могут быть связаны с особенностями национального самосознания сравниваемых народов, в частности, этнической идентичности как «... мотивационно-когнитивного ядра этнического самосознания, являющегося результатом процессов этнической идентификации и межэтнической дифференциации» [12, с. 51].

В связи с этим *целью* данной работы является изучение взаимосвязи показателей состояния волевой регуляции и этнической идентичности у представителей различных этнических групп (русских, коми, тувинцев, кабардинцев, марийцев, корейцев).

Метод

Описание выборки. С целью проверки выдвинутой нами гипотезы были обследованы шесть групп, составленных из представителей коми-зырян, проживающих в г. Сыктывкаре; русских, проживающих в г. Москве; тувинцев, проживающих в г. Кызыле; кабардинцев, проживающих в г. Нальчике; марийцев, проживающих в г. Йошкар-Оле; корейцев, проживающих в г. Хабаровске. Группы были уравнены по полу и возрасту и большей частью состояли из студентов, а также молодых специалистов. Всего в исследовании приняли участие 600 человек, в их числе:

- коми-зыряне — 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 20 до 24 лет (средний возраст — 21,5 лет);
- русские — 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 20 до 24 лет (средний возраст — 22,05 лет);
- тувинцы — 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 25 до 30 лет (средний возраст — 26,5 лет);
- кабардинцы — 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст — 19,5 лет);
- марийцы — 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 25 до 30 лет (средний возраст — 25,5 лет);
- корейцы и русские — 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 20 до 23 лет (средний возраст — 25 лет).

Методики. В соответствии с концепцией Т.И. Шульги и А.В. Быкова, рассматривались три звена волевой регуляции: мотивационно-смысловое, исполнительское и результативно-оценочное [2]. Для диагностики состояния исполнительского звена использовались методики: субшкала «Контроль за действием при планировании» из опросника «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина (1997) [14] и «Вопро-

сник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров, В.К. Васильева и С.В. Фирсова) [7]. Для результативно-оценочного звена использовалась формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн в адаптации В.А. Иванникова, Е.В. Эйдмана (1990) [6]. Для мотивационно-смыслового звена использовался тест СЖО [10]. Для диагностики особенностей этнической идентичности применялась методика «Типы этнической идентичности» (С.В. Рыжова, Г.У. Солдатова) [12]. Также использовался опросник, который содержал вопросы, касающиеся ряда демографических характеристик респондентов (пол, возраст, образование, семейное положение).

Для проверки наличия различий между группами использовался непараметрической тест Крускала–Уоллиса. Для оценки значимости связей между переменными использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Для статистической обработки данных использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics v.23.

Процедура. Опросные листы раздавались респондентам и заполнялись ими в индивидуальном порядке в присутствии исследователя. Участие в исследовании носило добровольный характер.

Результаты

Сравнение групп по показателям состояния волевой регуляции и видам этнической идентичности. В табл.1 представлены результаты сравнения

групп по показателям состояния волевой регуляции и видам этнической идентичности.

Хотя преобладающим типом этничности во всех группах является позитивная этничность, сравниваемые группы значительно различаются по всем показателям методики «Типы этнической идентичности»: наибольшие значения этнонигилизма наблюдаются в группе тувинцев, а наименьшие — у русских, коми и корейцев; наибольшие значения этноиндифферентности наблюдаются в группе русских и кабардинцев, а наименьшие — у корейцев; наибольшие значения позитивной этничности наблюдаются в группе тувинцев и кабардинцев, а наименьшие — у корейцев; наибольшие значения этноизоляционизма наблюдаются в группе тувинцев, а наименьшие — у русских, корейцев и кабардинцев; наибольшие значения этноэгоизма наблюдаются в группе тувинцев, а наименьшие — у корейцев; наибольшие значения этнофанатизма наблюдаются в группе тувинцев, а наименьшие — у корейцев (см. табл. 1).

В целом можно заключить, что этничность наиболее выражена в группах тувинцев и кабардинцев, а наименее — у корейцев. В группе русских, коми и марийцев существенно выражена тенденция к этноиндифферентности. Эти данные хорошо согласуются с результатами других авторов [11; 12; 13].

Также группы значительно различаются по показателям состояния волевой регуляции: наибольшие значения показателей «Шкалы контроля за действием» наблюдаются в группах тувинцев и корейцев, а наименьшие — у русских; наибольшие значения показателей эмоционального, поведенческого и социального самоконтроля наблюдаются у тувинцев, а

Таблица 1

Сравнение среднегрупповых показателей состояния волевой регуляции и типов этнической идентичности в различных этнических группах (тест Крускала–Уоллиса)

Показатели	Русские		Тыва		Коми		Кабарда		Корейцы		Марийцы		χ^2
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	
Типы этнической идентичности													
Этнонигилизм	3,4	3,2	6,2	4,2	3,4	3,0	3,8	3,7	3,2	1,9	4,4	3,9	41,83**
Этноиндифферентность	11,9	3,6	10,2	3,3	10,4	3,6	11,5	5,3	8,6	2,1	9,9	3,9	58,99**
Позитивная этничность	15,8	2,9	16,0	3,4	15,1	3,7	16,8	2,9	13,5	1,9	15,1	3,1	84,41**
Этноэгоизм	4,3	3,7	6,5	4,9	4,2	3,4	4,6	4,3	3,1	2,0	5,5	4,4	32,4**
Этноизоляционизм	3,2	3,3	6,8	4,5	3,6	3,5	3,4	3,4	3,4	2,1	5,2	4,3	64,04**
Этнофанатизм	5,3	3,7	9,8	5,0	6,2	4,4	5,5	4,1	4,2	1,6	6,8	4,1	86,54**
Показатели состояния волевой регуляции													
Шкала контроля за действием	4,89	2,72	6,08	2,85	5,53	2,76	5,59	2,97	5,95	1,64	5,86	2,81	9,08*
Эмоциональный самоконтроль	12,22	2,96	13,51	2,98	13,25	3,14	13,43	3,71	11,32	2,52	13,86	2,79	50,94**
Поведенческий самоконтроль	15,85	4,14	18,39	3,65	16,98	3,83	17,40	3,73	13,21	3,07	17,33	3,55	112,7**
Социальный самоконтроль	15,04	3,51	17,95	3,19	17,22	3,65	17,85	4,46	13,90	2,92	17,56	3,27	109,36**
Общий балл волевой самооценки	72,35	11,32	78,58	11,58	74,12	10,71	78,92	12,02	57,71	8,78	76,18	9,53	186,6**1
Тест СЖО	108,32	33,31	86,12	51,92	98,36	31,08	94,51	40,60	87,63	11,71	95,88	38,25	81,56**

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

наименьшие — у корейцев; наибольшие показатели общего балла волевой самооценки наблюдаются в группах кабардинцев и тувинцев, а наименьшие — в группе корейцев; наибольшие значения показателей теста СЖО наблюдаются в группе русских, а наименьшие — у корейцев (см. табл.1).

Таким образом, наибольшие значения показателей состояния волевой регуляции наблюдаются в группах тувинцев и кабардинцев, а наименьшие — у русских и корейцев, что хорошо согласуется с результатами других исследований [16; 17].

Корреляционный анализ между показателями состояния волевой регуляции и типами этнической идентичности. В основном, полученные результаты подтвердили нашу гипотезу: были обнаружены множественные значимые связи между показателями состояния волевой регуляции и этнической идентичности по выборке в целом. Вместе с этим полученные результаты свидетельствуют о том, что обнаруженные закономерности по-разному проявляются в сравниваемых этнических группах. Рассмотрим эти различия более подробно:

Уровень этнонигилизма отрицательно коррелирует с показателями состояния волевой регуляции у тувинцев (выраженность эмоционального (-0,358**) и социального (-0,269**) самоконтроля), коми (выраженность поведенческого (-0,227*) и социального (-0,258**) самоконтроля) и марийцев (выраженность эмоционального самоконтроля (-0,220*)). Во всех группах, кроме корейцев, показатели этнонигилизма отрицательно коррелируют со значениями теста СЖО: русские (-0,205*), тувинцы (-0,333**), коми (-0,314**), кабардинцы (-0,272*), марийцы (-0,305**).

Уровень этноиндифферентности отрицательно коррелирует с показателями состояния волевой регуляции у русских (показатели «Шкалы контроля за действием» (-0,194*), коми (выраженность социального самоконтроля (-0,214*) и общим баллом волевой самооценки (-0,186*)), марийцев (выраженность поведенческого (-0,257**) и социального (-0,189*) самоконтроля).

Уровень позитивной этничности положительно коррелирует с показателями состояния волевой регуляции у тувинцев (показатели «Шкалы контроля за действием» (0,193*), выраженность эмоционального (0,219*), поведенческого (0,333*), социального самоконтроля (0,221*), общим баллом волевой самооценки (0,311**), кабардинцев (выраженность поведенческого (0,211*) и социального (0,256*) самоконтроля), корейцев (выраженность эмоционального (0,315**), поведенческого (0,361**) и социального (0,272**) самоконтроля), марийцев (выраженность эмоционального (0,190*) самоконтроля). Также уровень позитивной этничности положительно коррелирует со значениями теста СЖО в группах тувинцев (0,231*), коми (0,241**) и марийцев (0,258**).

Уровень этноэгоизма отрицательно коррелирует с показателями состояния волевой регуляции у тувинцев (выраженность эмоционального (-0,394**) и социального (-0,239*) самоконтроля) и марийцев (выраженность эмоционального (-0,262**) самокон-

троля). В группе русских, напротив, этноэгоизм положительно коррелирует с выраженностью социального (0,220*) самоконтроля. Также уровень этноэгоизма отрицательно коррелирует со значениями теста СЖО в группах коми (-0,219*) и мари (-0,335**).

Значимые отрицательные связи между уровнем этноизоляциялизма и показателями состояния волевой регуляции были выявлены только в группах корейцев (выраженность социального (-0,305**) самоконтроля) и марийцев (выраженность эмоционального (-0,190*) самоконтроля). Также уровень этноизоляциялизма отрицательно коррелирует со значениями теста СЖО в группах коми (-0,308**) и марийцев (-0,223*).

Уровень этнофанатизма положительно коррелирует с показателями состояния волевой регуляции у русских (выраженность социального самоконтроля (0,220*) и общим баллом волевой самооценки (0,200*)), у кабардинцев (общий балл волевой самооценки (0,231*)), у корейцев (показатели «Шкалы контроля за действием» (0,306**) и общий балл волевой самооценки (0,199*)). В группе марийцев, напротив, этнофанатизм отрицательно коррелирует с выраженностью эмоционального (-0,213*) самоконтроля. Также уровень этноизоляциялизма отрицательно коррелирует со значениями теста СЖО в группе коми (-0,246**).

Обсуждение результатов

Анализируя обнаруженные закономерности, можно отметить, что различные показатели, а следовательно и различные звенья волевой регуляции, по-разному связаны с этнической идентичностью.

Наиболее тесная связь с этничностью наблюдается по показателям выраженности самоконтроля. Положительная этничность положительно коррелирует с выраженностью эмоционального (у тувинцев и марийцев), поведенческого (у тувинцев, кабардинцев, корейцев) и социального (у тувинцев, кабардинцев, корейцев) самоконтроля. Можно предложить несколько взаимодополняющих объяснений обнаруженной закономерности.

С одной стороны, выраженность самоконтроля может быть напрямую связана с особенностями национального самосознания как важной части самосознания субъекта. Согласно концепции Р. Баумайстера, волевой самоконтроль является функцией Эго и зависит от ресурсов, которыми оно располагает [19]. В связи с этим можно предположить, что выраженная положительная этничность свидетельствует о силе Эго и, как следствие, о достаточно большом объеме ресурса волевого самоконтроля, особенно в тех группах, где национальная принадлежность занимает важное место в структуре идентификационной матрицы народов.

С другой стороны, волевой самоконтроль может быть связан с требованиями, предъявляемыми к человеку со стороны традиционной культуры. Чем выше показатели позитивной этничности, тем больше приверженность к национальной культуре,

тем большую роль она начинает играть в регуляции поведения субъекта. Соответственно, в группах тувинцев, кабардинцев, корейцев, чьи культуры в силу больших традиционализма, регламентированности, общинности предъявляют более высокие требования к самоконтролю субъекта, выраженная позитивная этничность побуждает человека более строго следовать правилам поведения, принятым в национальной культуре, что может приводить к росту показателей самоконтроля [8; 12].

Гипо- и гиперэтничность, напротив, отрицательно коррелирует с выраженностью самоконтроля. Как отмечает Г.У. Солдатова, отклонения от нормальной этнической идентичности свидетельствуют о рассогласовании сознательных и бессознательных компонентов в структуре идентичности, что может становиться причиной снижения способности к сознательному самоконтролю, наблюдаемому в большинстве групп [12].

Несколько иной характер связей наблюдается между этнической идентичностью и общим баллом волевой самооценки. У тувинцев волевая самооценка положительно коррелирует с положительной этничностью, а у коми — отрицательно с этноиндифферентностью. Эта закономерность аналогична той, что наблюдалась по показателям выраженности самоконтроля. Вместе с этим общий балл волевой самооценки положительно связан с этнофанатизмом в группах русских, кабардинцев и корейцев. Можно предположить, что в данном случае наблюдается искажение процессов самовосприятия, связанное со стремлением показать свой народ и себя в более выгодном свете, характерном для лиц с гиперэтничностью [12].

Показатели «Шкалы контроля за действием» практически не связаны с этнической идентичностью, поскольку в исследованных группах наблюдаются единичные связи и не прослеживается общая закономерность. Отсутствие связей в данном случае может объясняться тем, что, в отличие от самоконтроля, который осуществляется сознательно и преднамеренно в соответствии с требованиями общества, «Шкала контроля за действием» отражает устоявшиеся способы реализации намерения в действии, в формировании которых национальное самосознание не играет большой роли [18].

Показатели теста СЖО практически во всех группах, за исключением корейцев, отрицательно коррелируют с этнонигилизмом. У тувинцев, коми и марийцев показатели теста СЖО положительно коррелируют с позитивной этничностью. В группе коми показатели теста СЖО отрицательно коррелируют с гиперидентичностью. С одной стороны, полученные результаты могут свидетельствовать о том, что у респондентов с позитивной этничностью принадлежность к национальной культуре может становиться важным смыслообразующим фактором, тогда как утрата связи с национальной культурой в случае гиподентичности может приводить к феноменам смыслоутраты. С другой стороны, дефицит личностных смыслов может приводить к стремлению найти их вовне, в национальной культуре, и, как следствие, к формированию гиперэтничности.

Это предположение хорошо согласуется с результатами исследования процессов трансформации этнической идентичности [12].

Таким образом, в целом, положительная этничность в большинстве групп, за исключением русских и коми, положительно коррелирует с показателями состояния волевой регуляции, тогда как гипо- и гиперэтничность — отрицательно. Вместе с этим существует ряд исключений. Показатели самооценок волевых качеств положительно коррелируют с гиперэтничностью. В группе русских показатели состояния волевой регуляции положительно коррелируют с гиперэтничностью.

Поскольку характер связей между состоянием волевой регуляции и этнической идентичностью в сравниваемых группах проявляется по-разному, рассмотрим эти группы по-отдельности.

Тувинцы. Наибольшее количество связей между показателями состояния волевой регуляции и этнической идентичностью наблюдается в группе тувинцев. В данной группе положительная этничность положительно коррелирует со всеми измеренными показателями волевой регуляции, а этнонигилизм и этнозогизм — отрицательно с выраженностью эмоционального и социального самоконтроля. Соответственно, у тувинцев наблюдаются, с одной стороны, наиболее высокие показатели волевой регуляции, а с другой — наиболее высокие показатели этнической идентичности. Хотя преобладающим типом этничности в данной группе является позитивная этничность, у тувинцев достаточно выражены этнонигилизм и этнофанатизм, что может свидетельствовать об относительно высоком уровне этнической мобилизации в данной группе (Солдатова, 1998). Характер обнаруженных связей может говорить о том, что этничность в данной группе является значимым фактором (ресурсом) волевой регуляции. Можно предположить, что это связано с тем, что этничность занимает важное место в структуре социальной идентичности у представителей тувинского народа. По данным Г.У. Солдатовой, в групповой идентификационной матрице тувинцев национальная принадлежность встречается в четыре раза чаще, чем у русских [12]. Также обнаруженные закономерности могут быть связаны с особенностями национальной культуры тувинцев, которая характеризуется высоким традиционализмом и регламентированностью [8].

Корейцы. Практически аналогичное количество связей наблюдается в группе корейцев. Здесь, как и в группе тувинцев, присутствует выраженная положительная связь между позитивной этничностью и выраженностью самоконтроля. Однако в отличие от тувинцев у корейцев наблюдается обратная картина: низкие значения показателей состояния волевой регуляции (за исключением «Шкалы контроля за действием»), с одной стороны, и этнической идентичности — с другой. Можно предположить, что в данной группе этничность также является значимым фактором (ресурсом) волевой регуляции, однако его эффект проявляется в противоположном направлении. Как и в предыдущей группе, у корейцев этничность

занимает важное место в структуре социальной идентичности, что подтверждает предположение о том, что связь этничности и состояния волевой регуляции зависит от места национальной принадлежности в идентификационной матрице народа [11].

Кабардинцы. Несмотря на то, что в данной группе значимых связей между показателями состояния волевой регуляции и этнической идентичностью меньше, чем у тувинцев и корейцев, по своему характеру они схожи. Позитивная этничность положительно коррелирует с выраженностью поведенческого и социального самоконтроля, а этнофанатизм — с общим баллом волевой самооценки. Соответственно, в данной группе мы наблюдаем достаточно высокие показатели состояния волевой регуляции, с одной стороны, и этнической идентичности — с другой. Преобладающим типом этнической идентичности является позитивная этничность, но в отличие от тувинцев, гипо- и гиперформы этничности слабо выражены. Как и в группе тувинцев и корейцев, у кабардинцев этничность занимает важное место в структуре социальной идентичности. По данным Г.У. Солдатовой, в идентификационной матрице народов Северного Кавказа национальная принадлежность встречается в шесть раз чаще, чем у русских [12]. Таким образом, можно обобщить, что позитивная этничность положительно связана с показателями состояния волевой регуляции в группах, где она занимает важное место в структуре идентификационной матрицы народа.

Марийцы. В группе марийцев также наблюдается достаточно много связей между показателями состояния волевой регуляции и этнической идентичностью, однако они носят несколько иной характер по сравнению с предыдущими группами. У представителей этого этноса связь между позитивной этничностью и волевой регуляцией прослеживается в гораздо меньшей степени, чем у тувинцев (наблюдается одна слабая положительная связь с эмоциональным самоконтролем). Соответственно, в этой группе мы наблюдаем средние значения показателей состояния волевой регуляции, с одной стороны, и этнической идентичности — с другой. В данном случае можно предположить, что этничность для этой группы не является значимым фактором (ресурсом) волевой регуляции. Вместе с этим в данной группе наблюдаются отрицательные связи самоконтроля (в большей степени эмоционального) с гипо- и гиперформами этничности.

Коми. Аналогичная ситуация наблюдается в группе коми. Здесь значимых связей между показателями состояния волевой регуляции и этнической идентичностью также немного. Соответственно, в данной группе мы наблюдаем средние значения показателей состояния волевой регуляции, с одной стороны, и этнической идентичности — с другой. Вероятно, у коми, как и у марийцев, этничность не является значимым фактором (ресурсом) волевой регуляции, что может быть связано с размыванием национального самосознания в результате ассимиляции славянами [13]. Вместе с этим, как и в группе марийцев, у коми уровень этнонизма и этноиндифферентности от-

рицательно коррелирует с выраженностью поведенческого и социального самоконтроля, а также с самооценкой волевых качеств. Соответственно, можно предположить, что в данных группах отклонения от нормальной этничности могут быть связаны со снижением показателей волевой регуляции деятельности, в частности, с дефицитом самоконтроля.

Русские. В группе русских значимых связей между показателями состояния волевой регуляции и этнической идентичностью также немного. Выраженность социального самоконтроля положительно коррелирует с этноэгоизмом и этнофанатизмом, самооценка волевых качеств — с этнофанатизмом. Также показатели «Шкалы контроля за действием» отрицательно коррелируют с этноиндифферентностью. Соответственно, в данной группе наблюдаются относительно низкие показатели состояния волевой регуляции, с одной стороны, и этничности — с другой. Таким образом, мы можем предположить, что в группе русских этничность не является существенным фактором (ресурсом) волевой регуляции. Вероятно, это также связано с незначительным местом национальной принадлежности в структуре групповой идентификационной матрицы русских (Солдатов, 1998). Вместе с этим группа русских выделяется из общей закономерности: у них выраженность социального самоконтроля положительно связана с этноэгоизмом и этнофанатизмом. Эти связи можно рассматривать как отражение стремления компенсировать чувство потери внутреннего баланса и стабильности, характерного для данного типа идентичности, за счет усиления внешнего, сознательного самоконтроля. Вероятно, это обусловлено спецификой культуры и национального самосознания русского народа.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что положительная этничность может становиться важным фактором (ресурсом) волевой регуляции в группах, где национальная принадлежность занимает важное место в структуре самосознания субъекта (тувинцы, корейцы, кабардинцы). Наряду с этим в группах с более размытым национальным самосознанием проявления гипо- и гиперэтноности могут быть связаны со снижением показателей волевой регуляции (коми, тувинцы, русские).

Заключение

В целом, полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу. Позитивная этническая идентичность положительно связана с показателями состояния волевой регуляции. В первую очередь, это относится к волевому самоконтролю и самооценке волевых качеств личности. Также этничность может выступать смыслообразующим фактором. Вместе с этим обнаруженная закономерность проявляется в тех группах, где национальная принадлежность занимает важное место в структуре самосознания субъекта (тувинцы, корейцы, кабардинцы), тогда как в группах с размытым национальным самосознани-

ем связи между этничностью и состоянием волевой регуляции гораздо менее выражены (коми, марийцы, русские).

Обнаруженные закономерности позволяют лучше понять природу этнокультурных различий в показателях воли. Они свидетельствуют о важной роли, которую осознание человеком своей принадлежности к определенной этнической общности и принятие традиционной национальной культуры и образа жизни могут играть в волевой регуляции деятельности. Вероятно, позитивное принятие человеком своей этнической принадлежности, как части идентичности, может становиться важным фактором волевого самоконтроля, предлагая ему как внешние, культурные, так и внутренние, инди-

видуальные средства (в том числе смыслы) овладения собой и своим поведением. Тем не менее, эта закономерность проявляется только в том случае, если этническая принадлежность является значимым фактором самосознания субъекта.

Таким образом, можно предположить, что один из возможных путей влияния национальной культуры на состояние волевой регуляции опосредствован особенностями национального сознания как отдельного субъекта, так и этнической общности в целом. Однако полученные результаты не исключают возможности существования других, неосознаваемых механизмов формирования устойчивых способов волевой регуляции субъекта, что открывает новые направления для исследований.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ №17-78-20226.

Funding

This work was supported by grant RSF №17-78-20226.

Литература

1. Божович Л.И. Развитие воли в онтогенезе // Проблемы формирования личности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. С. 302–332.
2. Быков А.В., Шульга Т.И. Становление волевой регуляции в онтогенезе. М.: Изд-во УРАО, 1999. 168 с.
3. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 512–755.
4. Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н. Эйдман Е.В. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
5. Иванников В.А., Шляпников В.Н. Воля как продукт общественно-исторического развития человечества // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 111–121.
6. Иванников В.А., Эйдман Е.В. Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 3. С. 39–49.
7. Ильин Е.П. Психология воли. СПб.: Питер, 2000. 288 с.
8. Крысько В.Г. Этническая психология. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 320 с.
9. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 511 с.
10. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
11. Соколова Д.А. Социально-психологические характеристики общности этнических корейцев Приморского края // Социальные исследования. 2016. № 3. С. 24–37.
12. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 398 с.
13. Шабанов Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. «Русский север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России: Социология, этнология. 2012. Т. 21. № 4. С. 134–153.
14. Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997. 140 с.

References

1. Bozhovich L.I. Razvitie voli v ontogeneze [The development volition in ontogenesis]. *Problemy formirovaniya lichnosti [Problems of Personality Development]*. Moscow: Publ. MPSI, Voronezh: Publ. NPO "MODEK", 2001, pp. 302–332.
2. Bykov A.V., Shul'ga T.I. Stanovlenie volevoi regulyatsii v ontogeneze [The Genesis of Volitional Regulation in Ontogenesis]. Moscow: Publ. URAO, 1999. 168 p.
3. Vygotskii L.S. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [The History of High Mental Functions Development]. *Psikhologiya [Psychology]*. Moscow: Publ. EKSMO-Press, 2000, pp. 512–755.
4. Ivannikov V.A., Barabanov D.D., Monroz A.V., Shlyapnikov V.N. Eidman E.V. Mesto ponyatiya «volya» v sovremennoi psikhologii [The role of the notion of will in contemporary psychology]. *Voprosy psikhologii [Voprosy Psikhologii]*, 2014, no. 2, pp. 15–23.
5. Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N. Volya kak produkt obshchestvenno-istoricheskogo razvitiya chelovechestva [Volition as a result of social-historical development of humanity]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal]*, 2012. Vol. 33, no. 3, pp. 111–121.
6. Ivannikov V.A., Eidman E.V. Struktura volevykh kachestv po dannym samoocenki [Structure of volitional qualities according to self-assessment data]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal]*, 1990. Vol. 11, no. 3, pp. 39–49.
7. Il'in E.P. Psikhologiya voli [The Psychology of Volition]. Saint-Peterburg: Publ. Piter, 2000. 288 p.
8. Krysko V.G. Etnicheskaya psikhologiya [Ethnic Psychology]. Moscow: Publ. Akademiya, 2008. 320 p.
9. Leont'ev A.N. Lektsii po obshchei psikhologii [Lectures on General Psychology]. Moscow: Publ. Smysl, 2000. 511 p.
10. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO) [Purpose-in-life test]. Moscow: Publ. Smysl, 2000. 18 p.
11. Sokolova D.A. Social'no-psihologicheskie karakteristiki obshnosti tnicheskikh koreicev Primorskogo kraja [Socio-psychological characteristics of a community of

15. Шляпников В.Н. Исследования волевой регуляции в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 54–63.
16. Шляпников В.Н. Особенности волевой регуляции у кабардинцев, коми, тувинцев и русских // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 4. С. 107–115. doi:10.17759/exppsy.2018110409
17. Шляпников В.Н., Авдеева О.В. Особенности проявлений волевой регуляции у коми-зырян и русских // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 2. С. 121–129. doi:10.17759/exppsy.2018110209
18. Baumann N., Kazén M., Quirin M., Koole S.L. Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition. Hogrefe Publishing, 2018. 433 p.
19. Baumeister R.F., Vohs K.D. Strength Model of Self-Regulation as Limited Resource: Assessment, Controversies, Update // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2016. Vol. 54. P. 67–127.
20. Kuhl J. Who controls whom when "I control myself"? // *Psychological Inquiry*. 1996. Vol. 7(1). P. 61–68.
21. Mischel W., Ayduk O., Berman M.G., Casey B.J., Gotlib I.H., Jonides J., Kross E., Teslovich T., Wilson N.L., Zayas V., Shoda Y. Willpower over the life span: decomposing self-regulation // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2011. Vol. 6(2). P. 252–256.
- ethnic Koreans in Primorsky Krai]. *Social'nye issledovaniya [Social Studies]*, 2016, no. 3, pp. 24–37.
12. Soldatova G.U. Psihologija mezhjetnicheskoi naprijazhennosti [Psychology of Inter-Ethnic Tension]. Moscow: Publ. Smysl, 1998. 398 p.
13. Shabaev Yu.P., Zherebtsov I.L., Zhuravlev P.S. «Russkii sever»: kul'turnye granitsy i kul'turnye smysly ['The Russian North': Cultural Borders and Cultural Meanings]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya [Universe of Russia Sociology Ethnology]*, 2012. Vol. 21, no. 4, pp. 134–153.
14. Shapkin S.A. Eksperimental'noe izuchenie volevykh protsessov [Experimental study of volitional processes]. Moscow: Publ. Smysl, 1997. 140 p.
15. Shlyapnikov V.N. Issledovaniya volevoi regulyatsii v sovremennoi zarubezhnoi psikhologii [Studies of voluntary regulation in contemporary psychology]. *Voprosy psikhologii [Voprosy Psikhologii]*, 2009, no. 2, pp. 54–63.
16. Shlyapnikov V.N. Osobennosti volevoi regulyatsii u kabardintsev, komi, tuvintsev i russkikh [Features of Volitional Regulation of Kabardians, Komi, Tuvinians and Russians]. *Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 2018. Vol. 11, no. 4, pp. 107–115. doi:10.17759/exppsy.2018110409 (In Russ., Abstr. in Engl.).
17. Shlyapnikov V.N., Avdeeva O.V. Osobennosti proyavlenii volevoi regulyatsii u komi-zyryan i russkikh [features of volitional regulation of komi-zyryans and russians]. *Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental Psychology (in Russia)]*, 2018. Vol. 11, no. 2, pp. 121–129. (In Russ., Abstr. in Engl.). doi: 10.17759/exppsy.2018110209
18. Baumann N., Kazén M., Quirin M., Koole S.L. Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition. Göttingen: Hogrefe Publ., 2018. 433 p.
19. Baumeister R.F., Vohs K.D. Strength Model of Self-Regulation as Limited Resource: Assessment, Controversies, Update. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2016. Vol. 54, pp. 67–127.
20. Kuhl J. Who controls whom when "I control myself"? *Psychological Inquiry*, 1996. Vol. 7(1), pp. 61–68.
21. Mischel W. et al. Willpower over the life span: decomposing self-regulation. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2011. Vol. 6(2), pp. 252–256.